

ДМИТРИЙ
ЯНКОВСКИЙ

ОХОТНИК

ПРАВИЛА
ПОДВОДНОЙ ОХОТЫ
ТРЕТЬЯ РАСА
БОЛЬШАЯ ОХОТА
ОПЕРАЦИЯ «КАРАВАН»

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Я63

Серия «БФ-коллекция»

Оформление обложки *Николая Зубкова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Я63 Янковский, Дмитрий Валентинович

Охотник: Правила подводной охоты. Третья раса. Большая охота. Операция «Караван»: сборник / Дмитрий Янковский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 992 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-112407-6

Завершившаяся Третья мировая война оставила человечеству массу неприятных сюрпризов. Большая часть неиспользованного во время войны интеллектуального оружия прячется в глубинах Мирового океана, время от времени атакуя мирные города и корабли. Для борьбы со смертоносными биомашинами используют специально обученные и экипированные подразделения охотников. После ряда неудач Андрей Вершинский, основатель первого в мире отряда, противостоящего биотехнологическим тварям глубин, отчаялся вернуть океан человечеству. Но неожиданно судьба свела его с человеком, полностью поменявшим представление Вершинского о войне в океанских глубинах. Новое оружие, новые тактика и стратегия, а также новые союзники вывели Большую Охоту Вершинского на совершенно другой уровень. Теперь Охотников не остановят ни разумные ракетные платформы, ни высокоскоростные живые торпеды, ни даже самый опасный враг — человеческая глупость.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112407-6

© Дмитрий Янковский, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРАВИЛА ПОДВОДНОЙ ОХОТЫ

На них было бремя опасности, как
и сейчас. Это цена, которую мужчины
платят за почести.

Мэри Рено

ПРОЛОГ

Теплый ветер шумел над головой, не давая по звуку определить путь отхода противника. Я раздвинул траву и, подтягивая карабин за гарпун, прополз чуть вперед.

— Стой! — Вовка Лукич ухватил меня за штангу боевого каркаса. — Заметят!

— Не учи ученого! — фыркнул я.

Новая позиция позволяла целиком разглядеть поляну, где по траве катились волны, как в океане. Таких ровных проплешин между деревьями было множество. Леся говорила, что они возникли от воздушных взрывов последней войны. Я ей верил хотя бы потому, что земля в подобных местах была утрамбована, а за пределами круга — рыхлая, часто изрезанная оврагами и промоинами.

Из-за облака выглянуло солнце и блекло отразилось в центре поляны.

— Кажется, мину оставили, гады, — повернулся я к Вовке.

— Идиот, — буркнул Лукич и подполз ко мне ближе, отцепляя от каркаса бинокль. — Может, это оплавленный камень блеснул.

— Это у тебя вместо головы камень! — недовольно ответил я, выхватывая бинокль у него из руки.

Мина была самодельной, это понятно, но каждый охотник знает, что от такой шуточки можно ждать любых гадостей, тогда как вылупившегося зверя можно обезвредить по каталогу Вершинского.

— Ну, что там? — нетерпеливо заерзал Вовка.

— Вертится на месте. Железная.

— Понятно, — нахмурил брови напарник, принимая у меня бинокль и придвигая окуляры к глазам. — Лазером щупает. Как только чиркнет по одежде, датчик отреагирует на пятнышко и активизирует детонатор.

Он был лучшим сапером в нашей команде, поэтому мне и в голову не пришло сомневаться в его теории.

— И что делать? — глянул я на него.

— Весла сушить. Это хорошая мина, и лучше ее обойти. — Он вновь приложил бинокль к глазам. — На краю поляны есть небольшой овраг. Можно пролезть по нему.

Идея с разминированием меня привлекала больше, но я не хотел перечить здравому смыслу. Мы тихонько перебежали к оврагу и поползли, вминая локтями влажную глину. Посредине овраг перегородила большая мутная лужа, и, переползая через нее, мы извоились, как черти. Лукич тихо бурчал, я двигался молча, цепляя гарпуном редкие стебли травы.

Вдруг я различил впереди тихий шлепок. Что-то упало в грязь.

— Засада? — вздрогнул я, готовый к обороне.

— Лежи! — Вовка вжал меня в глину. — Не вздумай поднять голову из оврага! Там мина!

Сердце у меня вздрогнуло, как перепуганный зверек в клетке.

— Они знали, что мы полезем через овраг, — сквозь зубы прошипел я. — Надо было обезвреживать мину!

— Отходим, — шепнул напарник, пятясь мимо меня. — Еще поглядим, кто кого сделает!

Получилось, что я прикрываю отход. Ползать задом у меня выходило плохо, а на короточках ничего, но это отнимало огромное количество сил, ноги моментально затекли и двигались заторможенно. Зато я вовремя заметил противника.

— Лукич, они сверху! — крикнул я, разглядев на краю оврага тень человеческой фигуры. — Мина была обманкой!

— Вот гады! — с досадой выдохнул напарник.

Я взвел карабин. Наша позиция оказалась не из лучших, но погоня была завершена, и теперь многое будет зависеть от нашей сноровки. Взяв на прицел тень на краю оврага, я был готов выстрелить, как только фигура появится на фоне неба.

Но их было двое — я услышал короткий хлопок, и мне в лицо полетели алые брызги с Вовкиного плеча. Вторая пуля попала напарнику в грудь и сразила его наповал. Леденящий испуг овладел мной. Мне бы развернуться и всадить гарпун в неприятеля, а я рванул вперед, петляя по оврагу, словно заяц. Две пули мелькнули мимо меня, влажно вонзившись в глину.

Было понятно, что я обречен, что поверху бежать значительно легче, чем путаться в траве и вязнуть в грязи оврага. Но адреналин не позволял мне думать об этом, и я выжимал из своего организма все, на что был способен. Вновь за спиной хлопнуло, но и в этот раз пуля скользнула стороной. Мои нервы не выдержали. Не видя цели, я развернулся и дернул спусковой крючок карабина. Гарпун со звоном покинул ствол и ударил в грудь одного из противников.

— А-а-а! — протяжно выкрикнул он, соскальзывая на дно оврага.

Дрожащими руками я рванул с боевого каркаса второй гарпун и зафиксировал его в ствол. В общем-то, мне не оставили выбора — только драться. Грязный, перепуганный, я вылез из оврага, опасаясь в любой момент получить пулю из-за ближайшего дерева. Ветер кидал мне пыль в глаза, но, к моему облегчению, поляна была пуста. Дрожа от возбуждения, я шагнул к лесу, и тут же из ближайших кустов раздался характерный хлопок. Пуля чиркнула по листве и ударила меня в грудь, забрызгав красным вымазанную в грязи рубашку.

— Черт! — выкрикнул я, но решил не падать. Ни к чему театральные эффекты, когда ясно, что битва проиграна. — Это не честно!

— Что именно? — выглянула из-за кустов Леська, поигрывая ружьем.

— На самом деле должны побеждать охотники, а не пираты!

— Кто же виноват, что вы оба такие копухи? — пожала плечами Леська. — Меня раньше возьмут в охотники, чем кого-то из вас.

— Девочек в охотники не берут, — буркнул я.

— Тебе-то почему знать?

— Не должны брать.

— Должны, не должны. Гадалка. Эй, Вадик! — она присела над краем обрыва, подавая руку напарнику.

— Ты тоже хорош! От такого копухи гарпун получить!

— Да он драпал, как заяц! — Вадик был из нас самым старшим и проигрывал неохотно. — Кто мог подумать, что он пальнет с разворота?

— В бою некогда думать, — наставительным тоном заметила Леська. — Высовываться надо меньше, тогда не придется изображать дохлятину.

— Помогите кто-нибудь вылезти! — долетел снизу призыв Лукича.

Я подал ему руку, и он вскарабкался к нам, похожий на вылезшего из болота утопленника.

— Идемте на речку! — предложила Леська. — Все равно вам надо отмыться. И еще я знаю одну важную тайну.

— Как подманить охотников? — язвительно спросил Вадик.

— А если так, то что? — С хитрым прищуром она сунула руку в карман штанов.

— Попытка двадцать четвертая, — отмахнулся Вадик.

Две недели назад мы уже пытались подманить охотников, выйдя в море на надувном плотике. Леськина идея состояла в том, что, кроме охотников, вызволять нас будет некому, но вышло не так, как она задумала. Нашли нас муниципалы из Светлогорска, а мама взгрела меня так, что надолго отбила желание даже играть в охотников, не то что приманивать их.

— Никакая не двадцать четвертая, — надула губы Леська. — Вы даже не представляете, что я на этот раз выменяла у Молчуньи!

— Новый надувной плотик? — поддел ее Лукич.

— Вы оба дураки! Молчунья живет на острове!

— И что? — Вадик повесил ружье на шею и направился к речке.

— А то, что я выменяла у нее икринку!

Вадик замер. Лукич тоже остановился как вкопанный, а у меня ледяная волна пробежала по коже.

— Врешь! — Вадик неуверенно обернулся.

— А вот это ты видел? — Леська выхватила кулак из кармана и разжала ладонь.

Колышущийся зеленоватый шарик в ее руке наполнился солнечным светом, и мы рты раскрыли от неожиданности и удивления.

— Ни фиги себе, — первым пришел в себя Вадик. — Откуда она у Молчуньи?

— Прибой вынес.

— Значит, дохлая, — облегченно выдохнул Вовка Лукич.

Меня тоже немного отпустило.

— Почему? — нахмурилась Леська.

— Сколько она в море пролежала и не вылупилась?

— А может, не пролежала? — Леська взяла икринку пальцами и поднесла к лицу. — На прошлой неделе во время шторма что взорвалось?

Той ночью я проснулся и закричал, не помня себя от страха. И мама тоже кричала, а занавески метались от ветра, врывавшегося через разбитые стекла. На следующее утро мы увидели в небе тяжелый гравилет охотников. Он направлялся на север, за горизонт.

— Мина взорвалась, — предположил я.

— Ромка хоть и копуха, но умный, — Леська одарила меня многообещающей улыбкой. — Что, кроме мины, могло взорваться?

— Ну, допустим, мина, — нахмурился Вадик. — Что с того? Думаешь, она при взрыве мечет икру?

Кажется, его задела Леськина похвала в мой адрес.

— Вот именно! — Она вновь зажала шарик в руке. — Иначе зачем им взрываться? Скорее всего это у них такой акт размножения. Бац! И тонна шариков в море. Так что эта икринка не дохлая, а наоборот, очень свежая. Мы можем положить ее в воду и посмотреть, что будет.

— Хочешь вырастить настоящую мину? — напряженно спросил Вовка Лукич.

— А что? — задумчиво сказал Вадик. — Мы ничего не теряем. Если икринка дохлая, то попохочем над Леськой. Кстати, на что ты ее выменяла?

Вместо ответа Леська показала ему язык. Вадик проигнорировал это и продолжил:

— А если икринка живая, то вырастет мина. И за ней обязательно прилетят охотники. Мы их сами и вызовем, тогда они наверняка дадут нам направление в свое училище.

— А может, и медаль, — вставил я.

— Из репейника, — фыркнул Лукич. — А вдруг мина вырастет и жажнет? Вы об этом подумали?

— Раньше времени не взорвется, — успокоила его Леська. — Мы же расскажем взрослым, как только она вылупится.

— Тогда никаких охотников мы не увидим, — заметил я. — Пока мина маленькая, взрослые могут убить ее баграми. Без всяких охотников. Или вмешаются муниципалы, как в прошлый раз. Приедут и расстреляют ее из ружей.

Леська не нашла, что на это ответить. Зато Вадик легко разрешил наш спор.

— Охотники все равно прилетят, — уверенно заявил он. — Даже если мину убьют без них. Они должны будут узнать, откуда она взялась и нет ли в речке других икринок.

— Не нравится мне эта затея, — признался Вовка.

— Никто тебе ее не навязывает. — Вадик, как всегда, перевернул все так, будто идея с икринкой принадлежала ему, да и сама икринка тоже. — Можешь катиться.

— И покачусь. — Лукич закинул карабин на плечо и двинулся через поляну.

Я представил, как ему влетит за вымазанную одежду.

— Зря ты его прогнал, — сказал я.

— Тебя тоже никто не держит, — фыркнул Вадик.

— Перестань! — вспыхнула Леська. — Икринка, между прочим, моя. Хватит уже корчить из себя командира! Надоел.

— Может, мне тоже уйти? — он прищурился и оглядел Леську с головы до ног.

— Ну и вали!

— А ты не боишься, что я заранее расскажу про мину?

— Валий. — Леська по-мальчишески сунула руки в карманы и направилась в сторону речки.

— Нашла нового жениха? — кинул ей вслед Вадик.

— Не твоего ума дело, — не оборачиваясь, сказала она. — Пойдем, Ром, пусть этот предатель что хочет, то и делает. Подманим охотников, он будет первым локти кусать.

Вадик что-то невнятно буркнул и поплелся за Вовкой. Мы же пошли к реке. Ветер тянул запах тины, а за деревьями виднелась прозрачная зелень воды.

— Мы не там вышли, — вздохнула Леська. — Коряга, с которой можно прыгать, вон там.

Я нарочно шел позади, чтобы глядеть на нее. Впервые судьба подарила мне возможность остаться с ней наедине, без Вовки, а главное — без Вадика. Мне от нее ничего не было нужно, просто хотелось любоваться каждым ее движением.

«До чего же девчонки отличаются от пацанов!» — подумал я, ощущая, как разгоняется сердце.

Она была крупнее меня, но это не мешало мне в мечтах обращаться с ней нежно. Возникло желание порадовать ее хоть чем-то.

— Можешь попрыгать у меня с коленок, — предложил я.

— Ты меня не удержишь, — беззаботно отмахнулась она и стянула лохматую военную куртку.

Навязываться было неловко. Прежде чем освободиться от рубашки, я ослабил ремни и уложил в траву боевой каркас, сделанный из негодного дедушкиного рюкзака. На него полетели рубашка и футболка, а Леська, как обычно, майку снимать не стала. Я знал почему. За прошедший год у нее здорово изменилась фигура, и Леська стеснялась этого.

— Может, тогда пойдем на станцию? — предложил я. — Икринку выпускать лучше там.

— Наверное, — закинув ружейный ремень на плечо, она закатала брюки выше колен и вошла в воду. — Речка сегодня теплая.

Поначалу я хотел избавиться и от брюк, но незапланированное уединение с Леськой зло надо мной подшутило — останься я в плавках, она бы сразу поняла, какие мысли бродят у меня в голове. Я покраснел и принялся закатывать штанины. Управившись с этим, закинул на плечо карабин, шагнул с берега и побрел вниз по течению, догоняя подругу.

За поворотом реки показалась станция. Ее ржавый остов торчал вперед, напоминая раненое стальное чудовище, издохшее на переправе. Хребет моста топорщился шипами кронштейнов, на которых кое-где еще сохранились древние газосветные фонари. Решетчатый блок шлюзовых держателей напоминал ребра, а опорные сваи лапами упирались в дно и берега реки. Давным-давно, в самом начале Десятилетней эпидемии, станция работала, давая тепло и свет множеству прибрежных городков. Но сократившееся население Земли уже не требовало прежнего количества энергии, и многие станции позакрывали. Теперь стальные опоры, мосты и сваи выполняли только одну функцию — декораций для наших игр.

Возбужденные ветром волны нагнетали воздух в порожние баки, заставляя их хрипеть и охать подобно живым существам. Пахло тинной, мокрой ржавчиной и застарелым безлюдьем. Я вздрогнул от близкого всплеска и чуть не пальнул из карабина на звук, но это прыгнула в воду одна из жирных лягушек, во множестве обитавших на станции.

— Давай взглянем на Светлогорск, — предложила Леська, ухватившись за поручень вросшего в дно трапа.

Мы давно придумали такой ритуал. Когда с крыши станции видны небоскребы, любое начинание этого дня ждет удача. Если Светлогорска не видно, то лучше задуманное не начинать. Мне идея не очень понравилась,

поскольку при таком ветре воздух должен быть замутнен пылью и водяным паром. А мне хотелось подманить охотников. Почему-то я был уверен, что в другой раз такого шанса уже не будет.

— Может, не надо? — предложил я, карабкаясь по ступеням вслед за Леськой.

— Хочешь обмануть судьбу?

Грохот наших шагов по железному трапу смешивался с завыванием ветра и хрипом воздуха в баках. Мы вылезли через люк на крышу, и я сразу разглядел вдали пять тонких ярко-белых нитей, поднимающихся на трехкилометровую высоту. У них на верхушках виднелись более темные кубышки антигравитационных приводов, из-за чего небоскребы напоминали гигантские облетевшие одуванчики. А на севере штормило море, в которое метров на триста вдавалась желтая от взбаламученной глины река.

— Зря ты боялся, — улыбнулась Леська, усаживаясь на ржавый железный лист. — Город виден, значит, будет так, как мы захотим.

На самом деле видимость была не очень хорошей. Приземный слой воздуха замутил ветер, поэтому небоскребы различались только в верхней трети. Но я решил об этом не говорить. Все равно решение принимать Леське, ведь икринка ее.

— Я вас обманула, — она достала из кармана драгоценный шарик и положила у ног. — Это не икринка, а биоклапан от лодочного мотора.

— Зачем? — Меня расстроил не столько обман, сколько невозможность нашей затеи.

— Хотела узнать, кто не побоится со мной пойти. Это была проверка, понятно?

— И что? — Я не мог понять, к чему она клонит.

— А то, что я действительно кое-что выменяла у Молчуны. Ее отец не всегда ловил рыбу с катера. Знаешь, кем он был после войны?

— Охотником?! — осенило меня.

— Вот именно. Молчуны научила меня, как наверняка попасть в их училище. Она знает.

— И на что ты выменяла такую тайну?

— Пообещала ей стянуть этот клапан из отцовского эллинга. Она пытается смастерить мотор.

— Влетит же тебе!

— Влетит. Зато я знаю, почему у охотников темно-синяя форма. Она символизирует океан перед штормом.

— А пиратов они ловят или нет?

— Этого я не узнала. Садись, — Леська положила ладонь на теплое железо возле себя. — У охотников есть определенные правила. Зная их, легче поступить в учебку.

— Куда?

— Так называется их училище.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

LESYA IN THE SKY WITH DIAMONDS

Я свернул с бетонки и остановил джип у самого края обрыва, поскольку в тесных туфлях мне меньше всего хотелось идти пешком. Позади, размазанная маревом расстояния, возвышалась ажурная громада Симферополя, а впереди сверкало море — оттуда дул бриз, наполняя воздух запахом соли и пересохших водорослей. Над короткой травой висел звон цикад.

— Неужели тут можно спуститься? — спросила сидящая на правом сиденье Леся.

На ней были шорты и короткая маечка, а ветер мягко трепал короткие каштановые волосы.

— Наверняка, — я заглушил двигатель и выбрался из машины. — Следы машин редко ведут в никуда, значит, здесь должна быть тропинка.

Над капотом трепетало марево раскаленного воздуха, за которым солнце вычерчивало по воде сверкающую дорожку. Море неодолимо манило в прохладную глубину... казалось, оно пахло именно глубиной, полутьмой и прохладой, оно рождало воспоминания о глубине и вынуждало мечтать только о ней. Но тут Леся соскочила в траву рядом со мной, и волшебство моря отступило на второй план.

— Идем? — посмотрела она на меня.

— Идем.

Я скинул кремовую рубашку с нашивками курсанта и забросил ее на заднее сиденье, как дети забрасывают ранец в первый же день каникул.

— Здорово вас тут гоняют, — усмехнулась Леся, оглядев мое окрепшее тело.

Хорошо, что она не приехала на полгода раньше, когда нас заставляли стричься наголо. Но теперь моя прическа ничем не напоминала бритые головы салаг, так что за внешний вид можно было не беспокоиться. Мне захотелось поиграть мышцами, и я принялся рыться в багажном отсеке, медленно доставая рюкзак и проверяя, все ли я в него уложил.

— Ну что ты опять копаешься? — поторопила Леся.

Я закинул лямки рюкзака на голые плечи, подал Леське руку, и мы начали спускаться с обрыва. Узкая тропинка пологим зигзагом сбегала по отвесному склону. На середине пути послышался голос прибоя — мерный, словно дыхание, шелест волн.

— Наверняка и миллион лет назад здесь все было так же, — негромко сказала Леся, балансируя руками для равновесия. — Я чувствую себя Евой, честное слово. Словно до нас с тобой не было никаких людей.

Я не ответил. Подошвы курсантских туфель скользили в пыли, поэтому иногда приходилось садиться на корточки и хвататься за торчащие по краю тропинки стебли. Мне было не до красот.

— Давай я рюкзак понесу, — предложила Лесья, легко перебирая ногами. — Мне в кроссовках удобнее.

— Вот еще, — буркнул я, ощутив себя ужасно неловко от того, что Леська могла посчитать меня неуклюжим.

Минут через десять мы спустились на усыпанную крупной галькой полосу пляжа. По камням, в ложе из нанесенной глины, петляла хрустальная струйка родника, бьющего из-под склона. Но сам источник скрывали густые заросли камыша — тонкие листья, опасные, словно бритва, шуршали от непрекращающегося ветра.

— Давай остановимся прямо здесь, — разуваясь, предложила Лесья. — Все равно кругом ни единой души.

Я молча опустил рюкзак и сел на горячие камни, покрытые искрящейся пудрой соли. Снять туфли оказалось истинным наслаждением, я отбросил их и размял ступни, разгоряченные трудным спуском. Блеск моря резал глаза.

— С ума можно сойти, как тут красиво... — Лесья закинула руки за голову и выгнулась навстречу солнцу. — Остаться бы здесь на недельку, вдали от цивилизации.

— Или на две, — согласился я. — Жаль, что у меня увольнение всего трое суток. Нельзя же не явиться на торжественный выпуск.

— Жаль, — согласилась Лесья, стягивая с себя майку. — Давай окунемся, потом разберем рюкзак.

Не дожидаясь ответа, она скинула шорты, оставшись в едва прикрывающем тело купальнике. У меня замерло сердце. Мне захотелось подойти к ней и, не говоря ни слова, провести ладонью по ложбинке спины, по бедрам, по волосам, пронизанным солнечным светом. Леська показалась мне волнующе изменившейся — спортивность фигуры, раньше для меня незаметная, подчеркивала ее красоту. Не холодное совершенство, какое мы проходили на уроках искусства, а удивительную манящую силу, отстраняющую разум от управления телом. Одурманенный, я готов был встать и сделать все по велению незнакомого чувства, кроме того, во мне крепла уверенность, что Лесья не станет противиться. Мне пришлось пинками разбудить парализованную волю, заставить ее вцепиться в мышцы и не дать мне подняться с места.

— Да, остудиться не помешает, — сглотнул я слюну и неловко стянул с себя брюки. Под ними были стандартные купальные шорты, серебристые и гладкие, как рыба чешуя. Они не могли полностью скрыть внешних признаков крепнувшего желания. Я, не разгибаясь, привстал, оттолкнулся и щучкой прыгнул в шипящую прибрежную пену. Такой прыжок был далек от совершенства, зато моментально смыл нахлынувший жар возбуждения. Открыв глаза, я проплыл под водой, наслаждаясь переливчатой игрой света на дне, затем вынырнул и повертел головой, отчего с волос слетели сверкающие бусинки брызг. На губах остался вкус моря. Сердце продолжало колотиться, как выброшенная на берег рыбешка, но задержка дыхания сделала свое дело — в голове прояснилось.

— Вода холодная! — сообщила Лесья, зайдя по колено.

— Это кажется, — рассмеялся я. — Не стой, окунайся сразу.

— Подожди, дай привыкнуть.

— Да прыгай же! — Я широкими гребками направился к берегу, снова начиная воспринимать Леську как друга.

— Только не брызгайся! — предупредила она, видимо, уловив мое намерение, и тут же присела, погрузившись по шею. — Фух! До чего же тут за-

мечательно! — Она зачерпнула воду ладонями и подбросила вверх, любуясь искристыми каплями. — Теперь я понимаю выражение «небо в алмазах», — улыбнулась она.

Я перевернулся на спину и раскинул руки звездой, чуть покачиваясь на волнах. Леська, казалось, не обратила на этот трюк никакого внимания. Это меня задело.

— И долго ты так можешь лежать на воде? — Лесья все же решила оценить мои усилия.

— Пока не замерзну, — ответил я, довольный ее реакцией.

— И что? — съязвила она. — Будешь ставить рекорды или все-таки искупаемся?

— Ты без издевок не можешь, — улыбнулся я. — Ладно, поплыли. Там возле мыса, если верить карте, есть песчаная отмель.

Лесья оттолкнулась и брассом направилась вдоль берега. Мне без труда удалось ее догнать.

— Далеко? — поинтересовалась она, по-лягушачьи толкая воду ногами.

— Отсюда метров двести.

— Можно было пройти по берегу.

— По морю приятнее. — Я продолжал плыть на спине, лениво подгребая ладонями.

— Охотник, — фыркнула Лесья. — А в воду прыгаешь, как кривая коряга.

— Это я маскируюсь, — смутился я, вспомнив состояние, загнавшее меня в море.

На какое-то время те же ощущения вновь овладели мной, так что пришлось перевернуться и тоже плыть брассом. Эта неконтролируемая физиология начинала действовать мне на нервы.

— Почему около мыса столько чаек? — спросила Лесья.

Мне показалось, что она видит меня насквозь и специально задает вопросы о море, чтобы отвлечь. Но я не знал, как реагировать на такую заботу.

— На отмели рыбу лучше видно и легче ловить, — охотно пояснил я. — А тот плоский камень на карте назван Рыбачьим.

Лесья перевернулась на спину, щурясь от солнца, но ей приходилось работать ногами, чтобы не погружаться. По сравнению с ней я парил в водной стихии.

Скоро мы доплыли до отмели.

— Здесь можно стоять, — сказал я и нащупал ногами дно.

Над песчаной косой летали чайки. Они не обращали на людей никакого внимания, занимаясь бесконечной охотой, из которой почти целиком состояла их жизнь. Их выкрики были для меня неотъемлемой частью моря.

— Какой мягкий песок... — Лесья остановилась, часто дыша от приложенных во время заплыва усилий. — Прямо как бархат.

Вода доходила ей до шеи, почти не скрывая едва прикрытую купальником грудь с затвердевшими от прохлады сосками. Я снова отвел взгляд. Мысли спутались окончательно, и я промолчал, хотя мог, конечно, ответить что-нибудь подобающее.

— Почему ты все время отмалчиваешься? — сощурилась Лесья. — Мы два года с тобой не виделись, а ты ведешь себя, как чужой.

— Устал. — Мне не хотелось отвечать честно. — Знаешь, какие у нас тренировки?